

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА 1. МЕЧТЫ	35
ГЛАВА 2. ИДЕИ	67
ГЛАВА 3. ПРОСТРАНСТВО	112
ГЛАВА 4. ОБЪЕКТЫ	152
ГЛАВА 5. ОБЛИК	185
ГЛАВА 6. ЧУВСТВА	228
ГЛАВА 7. ДЕЙСТВИЯ	266
ГЛАВА 8. ПЕСНИ	299
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ГЛОБАЛЬНЫЙ ФЕМИНИЗМ	336
БЛАГОДАРНОСТИ	351
ПРИМЕЧАНИЯ	354
РЕКОМЕНДОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	376
ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	381

ВВЕДЕНИЕ

В январе 1886 года жительница английской колонии Золотой Берег (нынешняя Гана) прислала в открытую годом ранее местную газету *Western Echo* провокационное письмо:

На наш, африканских дам, счет не только жестоко ошибаются, но и сделали из нас игрушку для всякого белого чиновника, являющегося к нам на Берег... Такие люди нас жестоко оскорбляли и, поскольку мы в ответ промолчали, продолжают безнаказанно оскорблять... У нас хоть лица не белые и не ангельские, мы способны встать на ту же высокую ступень культурного развития, что любая белая дама¹.

Письмо — красноречивое свидетельство того, что автор переживает из-за грубого обращения со стороны колонистов-европейцев, их недостаточного уважения к ее культуре, оскорблений и безнаказанности колониальных властей по отношению к женщинам. Автор не только испытывает гнев. Она издевательски называет власть белых мужчин *Just Ass* — «херовой» — вместо *Justice*, «справедливой». Ее имя не сохранилось, но ее желание говорить от имени всех африканских женщин привлекает внимание к воображаемому сообществу африканок. Прямота и осведомленность автора — следствие таких, например, факторов, как уже весьма продолжительное на тот момент существование на Золотом Берегу газет, принадлежавших африканцам, и мировой масштаб женских движений того времени.

1886-й был годом активной колониальной экспансии. Крупнейшие европейские державы наперегонки захватывали земли в Африке и Азии. Это породило жестокий мировой порядок, в рамках которого расовая иерархия и нормы сексуальности стали контролироваться строже; в следующем веке этому порядку бросили вызов радикалы, националисты и антиколониалисты. В то же время на всем земном шаре переживало расцвет женское образование, расширялся доступ (или даже принуждение) женщин к трудоустройству, а распространение велосипедов принесло новую свободу и новые страхи, воплощенные в образе оседлавшей велосипед «новой женщины» в блузере — реформированном женском костюме. Это позволяет нам полнее рассказать о глубоких переменах в осмыслении женщинами своего тела и жизни. Наш рассказ охватывает 250 лет попыток (и до, и после 1886 года) политизировать гендерную несправедливость.

На всех, кто боролся с несправедливостью по отношению к женщинам, серьезно влияли конкретные исторические условия. «Феминистками», «женщинами», «леди», «сестрами» они могли называть себя лишь временно. Их убеждения во многом определялись классовой, кастовой, этнической, религиозной принадлежностью, гражданством, сексуальностью, возрастом. Самоназвание «феминистка» у всех у них — не что-то само собой разумеющееся, оно скрывает очень разные идеи. Кроме того, нельзя называть феминизмом деятельность тех женщин и мужчин, которые не признавали его или прямо его отвергали. Феминизм — удачная отправная точка на пути к лучшему осознанию того факта, что борцы за «права женщин», за «новую женщину», «пробуждение» женщин или их «освобождение» могут иметь общие интересы и тактику. Но я расскажу и о рамках феминизма, его

слабых местах и умолчаниях, специфике и сложностях. Даже концепция «женщин» (или, как в XIX веке нередко говорили, *женщины*) оказалась противоречивой, а понятие гендера (социокультурной организации биологического пола) стало общепринятым лишь в конце XX века. В своей книге я покажу, какое отношение феминистки и активистки имеют к национализму, различным верованиям, империализму, утопизму и расизму. Моя цель — вдохновить феминисток, продемонстрировать, как возникают неожиданные связи и переклички между поколениями активистов и эпохами. Однако вдохновение следует соотносить с другой историей, полной конфликтов и противоречий. Феминистские коалиции издавна наталкивались на определенные ограничения, а критическое отношение феминисток к прошлому не всегда легко сообразуется с их нынешними попытками привлечь внимание к гендерной несправедливости, чтобы истребить ее.

Феминизм стремится к созданию союза, который объединил бы более половины человечества. Возможно, история не знает движения столь же амбициозного. Но чего именно хотят феминистки? Все они разделяют тот взгляд, согласно которому быть женщиной означает находиться в неблагоприятном по сравнению с мужчинами положении, а также что с этим положением можно бороться. Однако вытекающие из этого тезиса политические требования сильно различались в зависимости от эпохи и носили множество имен. Феминизм наиболее понятен как многослойный, внутренне противоречивый комплекс действий, проблем и требований, формулирование которых началось в XVIII веке или даже ранее. С течением времени запросы менялись. Столетие назад английская социалистка и феминистка Этель Сноуден назвала феминизм программой обретения чистоты муж-

чин и женщин посредством усмирения «инстинктивных женских сил, что должно поспособствовать защите расы». Феминистки XXI века едва ли согласятся с подобного рода риторикой, да и неизвестная жительница Золотого Берега выступила бы против расовой политики Сноуден. И все же споры о феминизме, если посмотреть сквозь призму жалоб современных феминисток, обретают удивительную актуальность и историческую глубину. Так, требование Сноуден равного с мужчинами права служить в вооруженных силах резонирует с сегодняшней трудной борьбой женщин за право участвовать в военных операциях.

Феминистками руководило желание устранить страшную ситуацию, когда женщины не осуществляют контроль за собственным телом, обуславливающую сексуальное насилие и домогательства, нежелательную беременность и постоянное давление мужского взгляда. Они привлекли внимание к бедности женщин, к тому, что их не подпускают к более безопасной и лучше оплачиваемой работе, к их уязвимости в условиях брака или материнства, к их неграмотности. Феминистки указали на подлинную цену отсутствия у женщин законных прав на опеку над своими детьми, принудительного труда, лишения медицинской помощи и прав на землю, незащитности в условиях войны, оккупации и голода. Ущерб и причиненные гендерным неравенством человеческие страдания неисчислимы. Но феминистская деятельность бывала творческой и вдохновляющей. Активистки создавали союзы и мобилизовывали людей ради перемен. Идеи и мечты воплощались в кампании, акции протеста. Люди находили надежду и справедливость, обретали стойкость.

Часто утверждают, что феминизм как политическое движение достиг своих целей, — но он возвращается с новой

силой, когда новое поколение женщин яростно заявляет о своих проблемах. Нынешних активисток глубоко интересует это неоднозначное «слово на “ф”» (*F-word*). При этом многие не знают точно, какое отношение их деятельность имеет к истории феминизма. Одни признают авторитет таких «праматерей», как Концепсьон Ареналь, Мэри Уолстонкрафт и Фунмилайо Рэнсем-Кути. Другие отвергают опыт прошлого и настаивают на уникальности «своего собственного» феминизма. Двойственное отношение к содержанию феминизма в истории и к самому этому понятию не должно удивлять. Схема из нескольких волн оказалась бесполезной при попытках понять суть проблем истории феминизма. Разговор о четырех волнах феминизма или о таких его разновидностях, как «новый феминизм» или *riot grrrl*, не всегда адекватно отображает женский опыт. К тому же для многих женщин активизм настолько связан с деятельностью других движений — социалистического, националистического, антиколониального, что сам термин «феминизм» отвергается как слишком спорный, чересчур «евроамериканский», излишне «белый», слишком «буржуазный».

Ниже приводятся известные истории о воинственных суфражистках и их выступлениях, сопровождавшихся битьем стекол, о прославлении радикальными феминистками власти женщин и солидарности. Но я не считаю, что феминизм одинаков всегда и везде. Сквозная тема этой книги — это еще и главный парадокс феминизма: будучи движением, он борется за то, чтобы женщины получили доступ ко всем сферам общественно-политической жизни, и требует радикального преобразования исключающих структур. Однако у феминизма имеются и собственные формы маргинализации, у феминисток не получается охватить всех без исключения женщин. Нередко темнокожие женщины, женщины

из рабочего класса, лесбиянки, транс- и бисексуалки, инвалиды, женщины «незападного происхождения» и нехристианки исключаются из «гегемонного феминизма»² (выражение Челы Сандовал). Рассмотренный ниже феминизм, несмотря на его запутанное происхождение, нередко ассоциируется с западной моделью свободы женщины. К голосам тех, кто имел иные корни или преследовал иные цели, не всегда прислушивались, и деятельность феминисток не всегда отвечала их потребностям. Как правило, архивные материалы (если они вообще отражают историю феминизма) излагают версию тех феминисток, которые обладали привилегиями и большим влиянием. Адель Мурдоло заметила: «В архиве феминизма очень мало документов, действительно показывающих конфликтную суть движения, неоднородного в расовом и этническом отношении»³.

Иногда считается, что феминистки уже победили — в момент предоставления женщинам избирательного права или же когда первые женщины получили право заниматься врачебной практикой, осуществлять опеку над детьми и водить машину. В 1990-х годах много рассуждали о «пост-феминистском мире», где к услугам женщин оказались политическая власть, экономические возможности и культурные богатства. Однако уверенность в том, что феминизм выполнил свою задачу, существенно снизилась в последнее десятилетие, отмеченное экономическими трудностями, жестокими войнами и подъемом авторитаризма. В 2013 году видная нигерийская писательница Чимаманда Нгози Адичи, выступая на форуме TED Talks, заявила: «Мы все должны быть феминистками». Эти ее слова использовала в песне «Flawless» поп-идол Бейонсе (в 2013 году на ее концертах на задник сцены проецировали огромное слово «FEMINIST»). В Швеции текст речи «Мы все должны быть феминистками» вскоре

после его публикации стали раздавать всем шестнадцатилетним. При этом в нынешних политических спорах преобладает антифеминистская и женоненавистническая риторика. В 2016 году Хиллари Клинтон, чью внешность много и жестко критиковали, проиграла президентские выборы в США. Она и другие политики-женщины подверглись оскорблениям со стороны Дональда Трампа (при этом о Карли Фиорина из своей же, Республиканской, партии он высказался так: «Посмотрите на это лицо!» и «Кто-нибудь проголосует за такое?»). Высказывания Трампа в начале 2017 года вывели миллионы женщин планеты из себя — и на улицу. После хвастовства Трампа, «хватавшего их [женщин] за киску», родился лозунг «Киска показывает когти» (*pussy grabs back*). Теперь на маршах и акциях протеста во всем мире можно увидеть розовую шапку с кошачьими ушами (*pussy hat*), напоминающую красный колпак, или колпак свободы, времен Великой Французской революции. В том же 2017 году редакция солидного американского словаря Merriam-Webster объявила, что самым популярным запросом на его сайте стал «феминизм». Согласно всемирному опросу, лишь в Японии большинство респондентов не согласились с утверждением: «Я одобряю и поддерживаю равные возможности для женщин. Я не только думаю об этих вещах, но заявляю об этом во всеуслышание и выступаю за то, чтобы участь женской части населения моей страны изменилась»⁴. С учетом этих общественно-политических тенденций разговоры о постфеминизме кажутся неубедительными.

Появившийся в конце XIX века термин «феминизм» всегда вызывал споры. Американская юмористическая газета, заявившая, что феминизм — «новое имя волокитства», изобразила мужчину, оказывающего женщине нежелательные знаки внимания: «Мадемуазель! Не обращайтесь внимания —

я *феминист*»⁵. Потребовалось некоторое время для того, чтобы слово приобрело более устойчивое значение — «тот, кто выступает против несправедливого отношения к женщинам». Ребекка Уэст, начавшая в 1911 году (ей было тогда двадцать лет) писать для феминистского журнала *Freewoman*, говорила, что ее называют феминисткой «всякий раз, когда я выражаю чувства, отличающие меня от коврика для вытирания ног». Тем не менее она (из-за опасения опозорить семью) печаталась под псевдонимом.

Не только женщин воодушевляли идеи равноправия, гендерная справедливость и перспектива иной жизни. На страницах этой книги мы встретимся с мужчинами, отстаивавшими права женщин, видевшими в успехе феминизма пользу для всех и нередко глубоко вовлеченными в борьбу. Сам термин «феминистский» вошел в употребление в конце XIX века, сменив идею *женского* движения более открытой, доступной для обоих полов самоидентификацией. В 1906 году в Париже месье Лежандр прервал встречу Международного совета женщин, заявив, что на ближайших местных выборах он станет кандидатом от феминисток. Делегаток это не впечатлило, и, по словам репортеров, Лежандра «безжалостно изгнали» из исключительно женского собрания⁶. В XX веке он был не единственным мужчиной, искавшим на выборах поддержки у феминисток. Джордж Лэнсбери (впоследствии возглавлявший Лейбористскую партию) в 1906 году выставил свою кандидатуру с программой, предусматривавшей предоставление женщинам избирательного права, от Мидлсбро, а в 1913 году — от округа Боу и Бромли. Лэнсбери, которого оппоненты заподозрили в желании ввести женщин в правительство, в обоих случаях проиграл, но своим убеждениям не изменил. В 1913 году он, поддерживая суфражисток, попал в тюрьму за подстрекательство.

тельство к насилию и присоединился к голодовке, к которой часто прибегали в знак протеста женщины-заключенные. В эпоху, более близкую к нашей, активисты изготавливали футболки (в том числе мужских размеров) с надписью: «Так выглядит феминист(ка)». Этот лозунг в 2016 году подхватил бывший президент США Барак Обама. Но многие мужчины до сих пор относятся к профеминистской позиции с недоверием.

Для некоторых женщин и мужчин феминизм оказался революционным, скандальным, меняющим жизнь способом смотреть на мир. У других феминизм вызвал слепое отрицание, иронию и сомнения. Неимущие женщины, требующие социальной защиты, темнокожие женщины, протестующие против полицейского насилия и неприемлемых условий проживания, профсоюзные активистки из низов, добивающиеся равной оплаты и безопасных условий труда, мужчины из профеминистских групп часто выбирали другие названия: «антисексист», «вуменист», «активный участник борьбы за социальную справедливость» и так далее. Активисток, предпочитавших называться иначе, не следует относить к «феминисткам». Но их мотивы и причины, в силу которых они избегали называться именно так, важны для историков феминизма, и, описывая этапы борьбы с гендерной несправедливостью, нужно учитывать и таких деятелей⁷.

Время феминизма

Феминизм обнаруживают даже в далеком прошлом — с переменным успехом, но тем не менее. Феминистками пытались объявить средневековую писательницу Кристину Пизанскую или даже Гипатию, философа из древней Александрии. Конечно, упомянутые нами исторические

фигуры не мыслили в категориях феминизма, и неверно судить о них с наших идеологических позиций. Вместо этого стоит задаться вопросом: что они думали о мужчинах и женщинах, каких представлений придерживались? Деление человечества на два пола нельзя принимать как само собой разумеющееся. Относительно некоторых частей света неясно, существовало ли там четкое понятие женщины. Специалисты по китайской истории считают, что категория «женщины» (*fùnǚ*) — сравнительно позднее изобретение и прямо относится к семейному статусу и семейной роли. В цинском Китае женщины во многих случаях делились на «супруг» и «куртизанок», и это было очень серьезное различие. То же можно сказать об имеющем классовый характер делении на просто «женщин» и «леди» в Англии XIX века.

В силу местной специфики требования перемен в мире оформлялись очень по-разному. Там, где они звучали, феминистки выступали от лица различных организаций и на разные лады. Термины «женское движение» и «женский вопрос» относятся к Европе, Северной Америке и Южной Америке XIX века. В начале XX века в странах Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки много спорили о «пробуждении женщин». В других местах в тот период предпочитали говорить о «новой женщине» — символе новых экономических и культурных возможностей для женщин. Китайские радикалы самыми разными способами требовали прав для женщины (*fùnǚjié*) и гендерного равенства (*nánnǚ píngděng*). Феминизм нелегко вписать в такого рода ландшафт, и его историки должны действовать осматрительно, чтобы не упустить из виду нюансы локальных способов борьбы и активистских практик. Но было бы ошибкой рассматривать эти дискуссии и движения сугубо

по отдельности, ведь их основные идеи нередко совпадали или же они черпали вдохновение друг у друга. Мы можем наметить сложные пути глобальной дискуссии об отношении гендера и власти и одновременно признать феминизм явлением, обусловленным историческим контекстом.

Хотя «феминизм» определяют очень по-разному, в начале XX века этот термин приняли во всем мире. Он может относиться к правам женщин, к деятельности по их расширению, защите, к требованиям равноправия. В 1904 году в Чили появился журнал *La Aurora Feminista* («Заря феминизма»). (Вышел единственный его номер.) В том же году Розика Швиммер (1877–1948) основала в Венгрии Феминистскую ассоциацию (*Feministák Egyesülete*). В 1905 году в Буэнос-Айресе появился Феминистский центр. Организация *Asociación Feminista Filipina* была учреждена в 1905 году. Филиппинки считали, что феминизм отвоевывает для женщин место в обществе, способствует регулированию женского труда и предотвращает ранние браки⁸. В 1910 году в Ла-Плате стал выходить журнал *La Nueva Mujer* («Новая женщина»), а в Буэнос-Айресе прошел Международный женский конгресс под лозунгом «Дайте нам работать». Латиноамериканские феминистки в первые годы делали упор на социальном обеспечении и государственной защите женщин. Критики называли феминисток *marimacho*: наполовину мужчинами, наполовину женщинами. Но понятие «феминизм» оказалось в достаточной мере широким для того, чтобы его приняли и такие религиозные консерваторы, как Лаура Корреа де Бустос. В 1907 году в уругвайской столице Монтевидео она опубликовала работу о «христианском феминизме»⁹.

Суфражистское движение, по мнению многих в Англии, считается выразителем настроений феминисток той эпохи.

Однако сотрудницы английского журнала *Freewoman* назвали в 1911 году свое издание «феминистским», чтобы указать на то, что их убеждения отличаются от убеждений суфражисток. Прогрессивные редакторы *Freewoman* сочли, что термин «феминизм» применим к представителям обоих полов, а еще что в нем заложено отрицание традиционных политических институтов. Они жаждали фундаментальных, революционных преобразований. Одна из редакторов, Дора Марсен, заявила (спровоцировав скандал), что «вольнодумцы с винтовками» быстрее добьются уважения к себе. Предлагались и другие термины. Французские радикалки, стремясь отразить характер дерзких женщин, «освободившихся от всего, что доселе обременяло основную массу их товарищей», экспериментировали с понятием *éclairceuse* («зачинатель», «первопроходец», «застрельщик»)¹⁰. Немецкоязычные активистки выбирали между «феминизмом» и *Frauenbewegung* («женским движением»), поскольку опасались, что первый термин имеет отношение к «свободной любви» или к воинственности английских суфражисток¹¹. Феминизм часто оказывался заимствованием, много где применявшимся для именованя различных видов гендерной политики. Так, в 1910 году в Японии рассуждали о *feminizumu*. Российские активистки предпочитали именовать себя «равноправками» — по названию Всероссийского союза равноправия женщин, учрежденного в бурные дни революции 1905 года¹². По всему миру восхищались новым понятием «феминизм» — и одновременно видели в нем европейское и американское влияние.

Иногда приживались прозвища. В начале XX века английская пресса дразнила воинствующих активисток «суфражистками» (*suffragettes*), но те, кто швырялся камнями, отстаивая свое право голосовать, восторженно приняли это название.

В 1970-х годах выражение *bra burners*, «поджигательницы бюстгальтеров», звучало как оскорбление, но активистки и сами придумывали себе вызывающие прозвища: Гарпии, Ведьмы, Лавандовая угроза, Монструозный полк, Общество по разделке мужчин.

Значение слова «феминистка» менялось, но оттенок значения, связанный со скандалом, никуда не девался. В 1970–80-х годах активистки нередко предпочитали говорить об «освобождении женщин», поскольку термин «феминистка» ассоциировался у них с либеральной повесткой реформаторов, с парламентской борьбой и избирательным правом. Во Франции феминистки, связанные с группой *Psych et Po* («Психоанализ и политика»), не принимали наименование «феминистка», видя в нем американское заимствование с конфликтными коннотациями, и предпочитали говорить о *femmes en lutte* («борющихся женщинах»), с акцентом на женственности и материнских качествах. Японские активистки в конце XX века рассуждали о бесполом (*gender-free*) обществе. К XXI веку активисты по всему миру почувствовали необходимость постоянно вести феминистскую борьбу под другими флагами, и это привело к появлению таких терминов, как «интерсекциональный» или «транс-инклюзивный» феминизм.

Несмотря на существование множества феминизмов все феминистки мечтали также и о движении, которое охватило бы всех без исключения женщин. («Помогая друг другу, в едином порыве» — гласил китайский транспарант на съезде Международного альянса за избирательные права женщин в 1913 году.) Эта фантазия парадоксальна: оторванная от реальности политическая повестка, стремясь к всеохватности, игнорирует конкретные исключения. Рассуждения о черном феминизме или чикана-феминизме иногда пыта-

ются исправить эту проблему, но критики утверждают, что они просто маскируют вытеснение из феминистского мейн-стрима темнокожих или американок мексиканского происхождения. В 1984 году писательница-афроамериканка Элис Уокер предложила термин «вуменизм» (*womanism*), принятый некоторыми темнокожими женщинами. С термином «вуменист(ка)» (*womanist*; для тех, кто желает избавиться от «man» в слове «woman», — *womynist*) та же проблема — приписывание своим требованиям всеобщего характера, — что и с «феминисткой». Однако это служит полезным напоминанием о естественных рамках и исключениях феминизма. Еще в 1866 году афроамериканская активистка Фрэнсис Уоткинс Харпер (1825–1911) лаконично заметила: «Вы, белые женщины, говорите здесь о правах, а я говорю о несправедливости». Уоткинс Харпер хотела, чтобы женское движение бросило вызов сегрегации в трамваях, но ее белые коллеги отказались рассматривать проблемы расовой дискриминации. Уоткинс Харпер — афроамериканка и бывшая домработница — заявила: «Я, цветная, получила в этой стране такое образование, из-за которого чувствую себя словно Измаил: руки мои на всех и руки всех на мне»¹³. В 1897 году Уоткинс Харпер и другие афроамериканские активистки, в обстановке усиления расовой дискриминации предпочитавшие действовать порознь с белыми женщинами и не принимавшие феминизм в качестве программы, образовали Национальную ассоциацию цветных женщин.

Эти споры о названиях и принадлежности указывают на необходимость пристальнее взглянуть на исторически менявшиеся обозначения гендерного активизма и задуматься о том, какое влияние оказывают наименования. Нет нужды состязаться, выискивая самых первых или самых настоящих феминисток. Вместо этого мы можем выявить

опыт дискриминации и различия между активистками, боровшимися за гендерное равноправие, и активистками, отстаивавшими социальную справедливость, и вспомнить их драматичные, мучительные или рассчитанные на дальнюю перспективу коалиции.

Хотя в наши дни интерес к выяснению смысла феминизма вернулся, важно понимать, что смысл этот многократно менялся. Феминистские символы и лозунги претерпевали изменения и подвергались ревизии в зависимости от аудитории. Ниже я рассматриваю традиции феминизма в том числе исламского, «черного», коренного (*indigenous*) и лесбийского. Более спорным является причисление к приверженцам феминизма мужчин — с целью указать на давние споры о том, кого именно касается феминизм и кто вправе участвовать в этом движении.

Глобальная перспектива

Зачем рассматривать феминизм в глобальной перспективе? Его историю часто излагают с опорой на цивилизационную и евроцентричную модели. В рамках такого подхода феминизм можно возвести к европейским авторам XVII века, например к Абре Бен, Франсуаз Пулен де ля Барр и Саре Файдж, которые первыми увидели в женщинах «порабощенный класс». Этих авторов вдохновляли идеи духовного равенства женщин в русле протестантской религиозной традиции. Говоря о «порабощении», они редко имели в виду женщин, порабощенных в буквальном смысле, — невольниц с плантаций в обеих Америках и странах Карибского бассейна. Они начали искать способы, как можно обозначить непризнание опыта изнасилования и принудительного вступления в брак — впрочем, опять же, не указывая

на широкую распространенность опыта такого рода среди рабынь. Историки феминизма нередко считают этих интеллектуалок предтечами движения. Считалось что затем, в конце XVIII века, эстафету у них принимают современницы революций в Америке и Франции: Эбигейл Адамс, Олимпия де Гуж и так далее. Де Гуж, автора «Декларации прав женщины и гражданки» (*Declaration of the Rights of Woman and the Female Citizen*, 1791), часто называют — вместе с английской писательницей Мэри Уолстонкрафт — зачинательницей феминистских споров и идей. Их влияние ощущалось в бурном XIX (когда широко развернулись кампании в защиту женского образования, предоставления женщинам права собственности и избирательного права) и XX столетиях. Лишь недавно в этом контексте стали упоминать таких деятельниц, как бывшая рабыня и поэтесса Филлис Уитли (ок. 1753–1784). Нередко историю феминизма выстраивают вокруг нескольких фигур матерей-основательниц — женщин в основном белых и образованных. Так создаются линии преемственности, не только чреватые ошибочным восприятием ранней феминистской мысли и деятельности первых феминисток, но еще и нацеленные на то, чтобы продемонстрировать, кто был «самым первым». Проще говоря, тексты — чем стариннее, тем лучше, лишь бы их можно было выдать за феминистские, — стали использоваться для закрепления национального приоритета, а белокожих граждан Франции, Англии, США и других империалистических государств стали рассматривать как предтеч феминизма.

Многолетние исследования глобальной истории поставили этот подход под сомнение. Историки предложили иные способы осмысления глобального, учитывающие альтернативные отправные точки и иных, кроме европей-

ских и американских, идеологов. Моментом рождения феминизма можно считать 1799 год: тогда группа египтянок, взбуродраженных протестами против французского вторжения в Александрию в 1798 году, собралась в Розетте (совр. Рашид), чтобы обсудить условия трудоустройства женщин и их положение в семье. Другой отправной точкой мог бы стать 1792 год — момент, когда в Сьерра-Леоне было предоставлено пассивное избирательное право владелицам домашних хозяйств из коренных жителей (утраченное ими в 1808 году, когда страна стала английской колонией). В Новой Зеландии женщины из коренного населения и колонистки получили избирательное право в 1893 году — задолго до европейцев и американок. В любом случае эти события позволяют поставить под сомнение приоритет европейских версий феминизма.

Глобальная история феминизма уделяет основное внимание крупномасштабным структурам и лежащим в их основе идеям, относящимся к «женскому вопросу», правам женщин, их эмансипации. Пристальное внимание уделялось влиянию империализма, например, на возникновение в XIX и XX веках женских движений и формирование такого мира, в котором население колоний было лишено свободы и гражданских прав. Жители покоренных колонизаторами стран, принуждаемые к труду, подвергались массовым переселениям. Во многих местах права женщин на владение землей и участие в торговле оказались ограничены. Женщины из империалистических стран прибегали к риторике о расовом и цивилизационном превосходстве для того, чтобы поддерживать свою власть над обитательницами колоний. Они путешествовали в роли миссионерок, колонисток и жен, описывали жизнь женщин не из западных стран и вмешивались (иногда во имя идеалов равенства

или феминизма) в конфликтные ситуации, когда видели, что с теми обращались не должным образом. В последние десятилетия, когда империи стали рушиться, глобальное противостояние периода холодной войны способствовало формированию и расширению женского и феминистского активизма.

Для XIX и XX столетий также центральным событием было развитие национализма, и вопросы о статусе и свободах женщин нередко увязывались с дискуссией о национальном прогрессе. В этой дискуссии особое место отводилось проблеме отсталости как способу указать на неудовлетворительное положение женщин в той или иной стране. В Бразилии, например, феминистки пользовались образами эмансипированных, образованных европейек и североамериканок, чтобы призвать к модернизации страны или всего континента. В 1852 году в первой передовице редактор бразильского издания о правах женщин *O Jornal das Senhoras* («Дамский журнал») отметила:

Во Франции, Англии, Италии, Испании, США и самой Португалии предостаточно женщин, посвятивших себя литературе и сочиняющих тексты для разного рода газет. Выходит, одна лишь Южная Америка, держащаяся за свои представления, застыла в оцепенении, тогда как весь остальной мир шагает по пути прогресса — к моральному и материальному совершенствованию общества?

Газеты *O Jornal das Senhoras* открыла в Рио-де-Жанейро и редактировала Хуана Паула Мансо де Норонья (1819–1875), уроженка Аргентины. Мансо де Норонья видела в *O Jornal das Senhoras* платформу для деятельности во имя «совершенствования общества и моральной эмансипации жен-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru